

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТ УРА В КОНТ ЕКСТ Е ВР ЕМЕНИ

Философская Самара
в исторической динамике

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода

А.Н. Огнев

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода. Целью исследования является выявление локальной специфики самарской философской мысли в раскрытии системообразующей значимости проблемы условного единства бытия и мышления на уровне дистинктивного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив методологической рефлексии в научном познании. Задачи исследования: 1) установить характерные признаки взглядов самарских философов на общеметодологическое значение проблемы соотношения онтологии и теории познания, 2) продемонстрировать методологическую востребованность теоретических установок в контексте философии науки, 3) обосновать применимость последних в режиме деятельностного подхода к социальной рецепции результатов. В ходе исследования применяются метод дистинкций, сформированный в онтогносеологии М.А. Лифшица, методы функционального анализа, диахронической реконструкции и нормирования мировоззренческой легитимации частнопредметного теоретического форматива. Показывается локальная специфика самарской философии эпохи развитого социализма. Предлагается анализ программы оптимизации научного познания на основе борисовско-духанинской методологии, привязанной к материалистическому решению основного вопроса философии (ОВФ). Исследуется значение теории стиля научного мышления, предложенной В.Т. Салосиным. Выявлены мето-

дологические основания и уровни рецепции социально-философской концепции М.С. Кветного. Делаются выводы о продуктивности самарского прецедента взаимодействия мировоззренческого и методологического аспектов в философии. Специфика решения самарскими философами проблемы единства бытия и мышления на основе марксистского понимания ОВФ заключается в том, что она рассматривается как методологическая проблема достижения логической непротиворечивости для выражения баланса между онтологическими предпосылками и теоретико-познавательными перспективами.

Ключевые слова: методология, гносеология, логика, бытие, мышление, философия науки, марксизм, философская рефлексия.

Огнев Александр Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

ognev.ssau@mail.ru

Для цитирования: Огнев А.Н. Проблема соотношения онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 33–66.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

The Problem of the Relationship between Ontology and Theory of Knowledge in the Works of Samara Philosophers of the Late Soviet Period

A.N. Ognev

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract

The article discusses the issue of the relationship between ontology and theory of knowledge in the works of Samara philosophers of the late Soviet period. The purpose of the study is to identify the local specifics of Samara philosophical thought by revealing the system-forming significance of the problem of the conditional unity of being and thinking at the level of a distinctive separation between ontological premises and epistemological prospects of methodological reflection in scientific knowledge. The objectives of the article are (1) to establish the characteristic features of the views of Samara philosophers on the general methodological significance of the problem of the relationship between ontology and the theory of knowledge, (2) to demonstrate the methodological relevance of their theoretical principles in the context of the philosophy of science, (3) to substantiate the applicability of the latter for the activity approach to the social interpretation

of theoretical results. In the course of the study, the author uses the method of distinctions, formed in onto-epistemology by M.A. Lifshitz, methods of functional analysis, diachronic reconstruction and rationing of the worldview legitimation of a particular subject theoretical entity. Thus, the article reveals the local specificity of the Samara philosophy of the era of developed socialism. The author analyzes the program for optimizing scientific knowledge based on the Borisov–Dukhanin methodology, tied to the materialistic solution of the “main question of philosophy” (i.e., the issue of the relationship of the being and consciousness). The article pays attention to the theory of the style of scientific thinking, proposed by V.T. Salosin, to the methodological foundations and reception of the socio-philosophical theory of M.S. Kvetnoy. The author examines the productivity of the Samara precedent of the interaction of worldview and methodological aspects in philosophy. The article concludes that the specificity of the Samara philosophers’ solution of the problem of the unity of being and thinking on the basis of the Marxist understanding of the the main question of philosophy lies in the fact that it is considered as a methodological problem of achieving logical consistency to express the balance between ontological premises and epistemological perspectives.

Keywords: methodology, epistemology, logic, being, thinking, philosophy of science, Marxism, philosophical reflection.

Alexander N. Ognev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University.
ognev.ssau@mail.ru

For citation: Ognev A.N. (2022) The Problem of the Relationship between Ontology and Theory of Knowledge in the Works of Samara Philosophers of the Late Soviet Period. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 2, pp. 33–66.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-33-66

Введение

Темой настоящего исследования является соотношение онтологии и теории познания в трудах самарских философов позднего советского периода в ключе дисциплинарного консенсуса двух названных дисциплин, обеспечивающих системное единство философского знания в качестве общеметодологического фундамента, легитимирующего по меркам марксистских мировоззренческих установок нормативную базу частнопредметного знания. Проблема соотношения онтологии и теории познания выступала в философии диалектического и исторического материализма необходимым системным королларием принятого в марксизме

решения основного вопроса философии (ОВФ), что гарантировало ей центральный контекстообразующий статус. Тематическое решение ОВФ образовывало в советской философии идеологический форматив с целым комплексом инвариантных признаков, однако их реальное исполнение в материале теоретических программ допускало определенную вариабельность в диапазоне от догматического официоза до сциентистских адаптаций и дискурса критического марксизма. Перевод ОВФ в плоскость дисциплинарного опосредствования онтологии и теории познания представлял собой первый робкий, но очень важный шаг в освобождении советской философской мысли от гнета идеологической цензуры. Он был совершен в самарской философии позднего советского периода целой плеядой представителей тогдашней академической традиции, сформировавшейся в высших учебных заведениях города Куйбышева. Актуальность исследования самой этой темы обусловлена как необходимостью выяснения региональной специфики в развитии отечественной философии советского периода, так и прямым и косвенным влиянием этих мыслителей на формирование интеллектуального контекста в традиции самарского философского сообщества. Говоря о степени разработанности проблемы, следует отметить тот факт, что в отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется теоретической специфике нескольких общесоветских философских дискуссий, тогда как их методологические последствия и характер локальной рецепции пребывают в доксографической тени.

Цель исследования соотношения онтологического и гносеологического аспектов в методологическом наследии самарских философов состоит в раскрытии релевантной системообразующей значимости проблемы условного единства бытия и мышления на уровне дистинктивного разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив методологической рефлексии в научном познании, на основе чего выявляется локальная специфика самарской философской мысли. Такое видение цели определяет характер задач, значимых с точки зрения логики развертывания материала: 1) установить характерные признаки взглядов самарских философов на общеметодологическое значение проблемы соотношения онтологии и теории познания, 2) продемонстрировать методологическую востребованность теоретических установок в контексте философии науки, 3) обосновать применимость последних в режиме деятельностного под-

хода к социальной рецепции результатов. Решение поставленных задач требует дифференциации методов, задействованных в ходе контекстуальной реконструкции. Если системное ядро составляет метод дистинкций, сформированный в онтогносеологии М.А. Лифшица, то поле исторической компарации требует методов функционального анализа, диахронической реконструкции и нормирования мировоззренческой легитимации частнопредметного теоретического формата.

Тезис о единстве онтологии, логики и теории познания представлял собой основополагающий постулат советской версии догматического марксизма, посредством которого утверждался мировоззренческий статус материалистического решения ОВФ. По своему буквальному пониманию это требование было неисполнимым, будучи лишенным теоретического смысла, поскольку невозможно отождествить дисциплинарно онтологию и теорию познания, коль скоро бытие и мышление пребывают в состоянии системного антагонизма, а логика представляет собой только часть гносеологического комплекса, которая не может фигурировать в качестве самостоятельной системообразующей единицы, соизмеримой по своей значимости с двумя первыми дисциплинарными образованиями. Советский идеологический официоз трактовал при этом логику не формально-аналитически, а как материалистическую диалектику, составляющую методологический фундамент диалектического и исторического материализма, сообразно догматике ленинской «теории отражения». Предполагалось, что это удвоение логики гарантирует закрепление материалистического решения ОВФ в универсальном мировоззренческом статусе, делегируя позитивному знанию адаптивный узус аналитики в режиме формализации конкретного материала, посредством чего достижения частных наук подтверждали заранее известный методологически правильный результат. Такого рода трансцендентальная подтасовка допускала известную «свободу» частных наук в плане выбора метода решения своих внутренних задач, требуя от них унификации результатов в идеологически-корректной форме. Подобная институциональная структура обеспечивала идеологическое присвоение результатов познавательных процессов в различных областях научного знания в режиме методологического администрирования со стороны марксистской догматики. Этот порядок регламентации интеллектуальной деятельности обеспечивал марксизму статус диалекта

господствующего сознания. От философии требовалось только аксиоматизировать его теоретическую идиоматику, чем сама философия легитимировалась в виде рефлексии *sui generis*, отражающей меру соответствия теоретических обобщений уровню развитости наличных общественных отношений.

Кардинальный мировоззренческий цинизм этой схемы отнюдь не был очевиден для статистов историко-философского процесса, воспроизводивших ритуализмы идеологической мистерии, но лучшие марксистские умы того времени, сознававшие истинное «существо дела» (*die Sache Selbst*), предпочитали трактовать сложившееся положение в духе гегелевской «хитрости Разума» (*List der Vernunft*). Это вполне соответствовало марксистскому представлению об «иронии истории», согласно которому все великие мировые события подчинены фатуму парных случаев. Советская философия по этому фабульному конструкту была обречена состояться в качестве фарсовой фазы исполнения гегелевской диалектики. Это хорошо понимал основоположник «полемиического марксизма» М.А. Лифшиц, видевший в догматизации принципа «теории отражения» эвристический прием, соответствующий требованиям времени. Исходя из нормативного смысла принципа конкретного историзма, образующего реалистическую презумпцию философской рефлексии, М.А. Лифшиц считал исторически оправданным и неизбежным говорить о действительности на диалекте господствующего в ней сознания. В этих целях им в рамках онтогносеологии была разработана особая «теория дистинкций», в соответствии с которой «бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логике, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть» [Лифшиц 2010, 20]. Это позволяло позиционировать логику как метод разграничения онтологических предпосылок и гносеологических перспектив, переводя идеологическое решение ОВФ в режим условного единства бытия и мышления, что должно было стать гарантией реализуемости смысла самой марксистской доктрины. Находясь между Сциллой идеологической ортодоксии и Харибдой критического ревизионизма, М.А. Лифшиц учил: «Смысл только не внешний, а внутренний, и он существует. Существование его в том, что все отдельное имеет всеобщее содержание, то есть не является в познании прибавлением безусловно нового, синтезом без априори, а известным сведением, возвращением к первооснове, и чем больше нового, тем яснее этот всеобщий смысл»

[Лифшиц 2004, 427]. В предложенной им онтогносеологической концепции «сведение» сохраняло известную двусмысленность: на мировоззренческом уровне оно представлялось редукцией к догматике ленинской «теории отражения», а в методологическом плане представало в форме рефлексии, субъект которой мыслился таковым в той мере, в какой он не обнаруживал на уровне рефлексивного опосредствования признаков гегелевского «несчастливого сознания». В марксизме исторический оптимизм самого познания вменялся в праведность. Самарская философия позднего советского периода являет собой весьма характерный образец перевода этой установки в понятийную плоскость, где исходные противоречия марксистского форматива представляются снятыми в логике понятийного опосредствования (*Vermittlung*) тематической коллизии конфликта между бытием и мышлением в самом материале научного познания.

Борисовско-духанинская программа логической оптимизации соотношения онтологии и гносеологии

В самарской философии позднего советского периода проблема единства онтологии и теории познания нашла свое разрешение в концепции логической оптимизации научной методологии, разработанной В.Н. Борисовым и развитой В.Н. Духаниным. Борисовско-духанинская методология представляет собой вершинное достижение самарской философской мысли. На ее основе сложилась научная школа с особой системой теоретических приоритетов и с характерными стилевыми признаками. В рамках борисовско-духанинской методологии происходило освоение проблемного поля логического позитивизма путем перевода его контекстообразующих коллизий в понятийную идиоматику диалектического материализма. Исходный сциентистский акцент сохранялся, выступая в качестве контекстуальной коннотации, необходимой для включения чужеродных установок в логику марксистского идеологического форматива. Наличие самого проблемного комплекса с выраженной сциентистской интенцией воспринималось как необходимый момент в развитии логики научной мысли, который не мог быть отброшен, а нуждался в новом методологическом «освящении» на основании диалектико-материалистической методологии. В советской философии такого рода подход легитимировал П.В. Копнин: «Проблемы вырастают из предшествующих результатов как своеобразное логическое

следствие» [Копнин 1973, 200]. Это взгляд оправдывал переключение внимания с идеологической точки зрения на методологическую объективной логикой развития научного познания, взятого *in abstracto*. Опираясь на авторитет П.В. Копнина, В.Н. Борисов легитимировал логический поворот необходимостью включения самого акта рефлексии в методологию научного познания на правах особого системного момента: «Анализ внутренних форм рефлексии и конституирует проблему рефлексии в качестве особого предмета гносеологического исследования» [Борисов 1983, 10]. При этом онтологический аспект ленинской «теории отражения» не ставился под сомнение, получая свое развертывание в ключе традиционного классического онтологического гилеморфизма: «Логика различает в каждой мысли содержание и логическую форму. Содержание мысли рассматривается как совокупность образующих мысль элементов, материал, из которого она состоит» [Борисов 1976б, 57]. Этот шаг позволяет установить отношение принципиальной координации между принципом материального единства мира и проблемой «элементарной философии» в том ее качестве, в каком она ставилась после И. Канта его продолжателем К.Л. Рейнгольдом, исторически-адаптивной редакцией которой суждено было стать марксистскому ОВФ. Суть этой проблемы, симптоматически тематизируемой в тезисе о непознаваемости кантовской вещи-в-себе, состоит в несоизмеримости единиц бытия и мышления, вследствие чего синтез нового знания на основе взаимно-однозначного соответствия оказывался теоретически-неисполнимым. Появление метафизического призрака «проблемы Рейнгольда» в теоретическом горизонте неизменно становилось источником методологической паники в немецкой классической философии: Ф.В.Й. Шеллинг выставил против него идею взаимообратимости порядков обобщения в натурфилософии и в системе трансцендентального идеализма, а Г.В.Ф. Гегель встал на путь ревитализации теологических рецидивов в ключе жесткого онтологического монизма. В.Н. Борисов в призраков не верил, считая их появление всего лишь побочным продуктом неразвитости научного мышления: «Рассматривая развитие научных теорий, нужно учитывать не только различие эмпирического и теоретического уровней исследования, но также наличие различных логических структур в системе знания и процессов их формирования и функционирования» [Борисов 1977, 5]. Речь идет о разграничении эмпирического и трансцендентального узуса категорий, на чем

в свое время настаивал И. Кант. В.Н. Борисов придает этой дилемме статус универсального методологического норматива: «Наличие в структуре задачи двух уровней – предметного и рефлексивного – затемняется тем обстоятельством, что формулировка задачи содержит обычно эти уровни в нерасчлененном виде» [Борисов 1986, 146]. Следовательно, наличие слепых пятен в методологии обусловлено отнюдь не реальной метафизической угрозой, а всего лишь несовершенством примененной дидактики.

Важнейшей заслугой В.Н. Борисова стало его обращение к теме категориального знания, требующей анализа его гносеологической природы. Вопрос о том, имеет ли его форматив онтологический эквивалент, был бы равнозначен пробуждению к жизни схоластической проблемы универсалий, а потому в борисовско-духанинской методологии речь идет только о верифицируемых в социуме функциях категориального знания как гаранта общезначимости рецепции результатов познавательного процесса. Проблема онтологического статуса этого гаранта по определению считается разрешенной в рамках диалектико-материалистического ответа на ОВФ. Потому этот момент может быть вынесен за скобки научного исследования, будучи элиминирован в качестве методологически-иррелевантного аспекта. В.Н. Борисов учил, что «философские категории, как нами и отмечалось, формируются не как непосредственное отражение всеобщих сторон действительности, а как обобщение категориального содержания человеческого мышления» [Борисов 1988, 10]. Самарский классик избегает постановки вопроса о реальности опосредствования (*Vermittlung*), поскольку в этом случае порядок рассуждения потребовал бы постановки вопроса о критериях осуществимости «истинной середины» (*die wahre Mitte*), на чем неизменно настаивал М.А. Лифшиц. Но В.Н. Борисову был чужд полемический пафос, который становился востребованным в фазе критического эксцесса философского эссенциализма, в котором нуждалась онтогносеология. Борисовский взгляд обращен не к пафосу мировоззренческой полемики, а к Логосу, принизывающему ткань методологически-автономного научного познания: «Гносеологический анализ охватывает все стороны познания, в том числе его формы, ступени и методы, но под определенным углом зрения, а именно: в плане отношения их к внешнему объективному миру и человеку как субъекту познавательной деятельности» [Борисов 1976а, 7]. Такой подход, связанный с ограничением

любой философской проблемы рамками субъектно-объектного отношения, в целом характерен для борисовско-духанинской методологии. Предполагается, что адекватность познавательного процесса сущностному содержанию действительности достигается интегрируемостью всех отдельных моментов познавательного процесса, каждый из которых характеризуется истинностью в своем роде. С общефилософской точки зрения такой подход следует считать спорным, поскольку реальность невозможно получить путем простого суммирования установочных моментов ее идеации. Но в борисовско-духанинской методологии вопрос о реальности как таковой не затрагивается, ибо она ограничивается только действительной модальностью данного в содержании опыта: «чтобы решить проблему соотнесения знаний с действительностью и определять степень тождества, необходимо исследовать специфику каждого аспекта, уровня и элемента знания в отношении их соотносимости с действительностью» [Борисов, Духанин 1974а, 67]. За этой формулировкой стоит криптономиналистическое предпочтение принципов необходимости и достаточности реалистической полноте и предельности, что возводится в ранг канона образования понятийной структуры и выстраивания продуктивной в познавательном плане дефиниции: «понятие в теории предстает всегда как свернутое определение предмета, т.е. как знание признаков предмета, необходимых и достаточных для его определения» [Борисов, Хазова 1977, 30]. Ни о каком реальном развитии знания как сущностной тотальности в рамках борисовско-духанинской методологии не может быть и речи, поскольку в этой системе координат такого рода *desideratum* познания будет табуирован по причине своей логической избыточности, затрудняющей операциональную дифференциацию функционально-значимых референций в научном познании, на основе которых происходит идеация предмета *in concreto*.

Всякая методологическая стратегия обнаруживает свою продуктивность в той мере, в какой она оказывается способной решить или хотя бы теоретически локализовать в системе своих приоритетов проблему идеального, не порождая при этом метафизических рецидивов. С этим вызовом столкнулся советский марксизм на излете своего исторического существования. В поздней советской философии симптоматическую значимость приобрела проблема идеального. Суть связанных с ней дискуссий, ее фигуранты и их аргументация хорошо известны и детально

изучены в историко-философской литературе применительно к общесоветскому идейно-теоретическому контексту, но в локальной оптике эти процессы имели свою уникальную специфику в связи с теоретическими запросами самарских методологов, имевшими выраженную сциентистски-ориентированную коннотацию. В самарских региональных философских декорациях проблема идеального воспринималась не столько как стимул к дискуссиям, сколько как повод к консолидации перед лицом опасности метафизического рецидива. Парадоксальным образом проблема идеального стала моделью своеобразного методологического консенсуса, обеспечивающего прецедент исключения метафизических проблематизаций. Самарские методологи приняли за основу подход П.В. Копнина: «В идее знание достигает высшей степени объективности, и это создает условия для синтеза предшествующего знания» [Копнин 1974, 249]. Если уж от проблемы идеального невозможно избавиться, то следует ограничить ее знанием эффекта гистерезиса, распознаваемого по правилам реалистической типизации. Следуя этому подходу, В.Н. Духанин обнаружил семиотическое измерение теоретической адаптивности проблемы идеального, развивая подходы борисовской научной методологии: «Любой элемент знаковой системы становится знанием только тогда, когда в структуру значения этого элемента включаются идеальные образования, репрезентирующие какую-то действительность, лежащую за его пределами. Идеальная форма репрезентанты при этом должна находиться с представляемой в ней действительностью в отношении тождества, равенства или адекватности. Этим обусловлено свойство знания быть истинным или ложным» [Духанин 1983б, 21]. О том же свидетельствует ход мысли Д.И. Дубровского, когда он признает, что «такого рода субъективность явлений сознания, как информация о чем-то, не препятствует интерсубъективности, наличию одной и той же информации у разных личностей» [Дубровский 1983, 130]. Релевантность комплекса интерсубъективных связей при функционировании знания как знаковой системы, в границах которой происходит идеация познавательного процесса, побуждает В.Н. Духанина склонить чашу весов в дискуссии о проблеме идеального в пользу Д.И. Дубровского, когда он признает, что «верно выявляя деятельностную природу идеального, Э.В. Ильенков явно упрощает проблему, когда речь заходит о формах его существования» [Духанин 1986, 46]. Самарского методолога явно смущает

вывод о том, что идеальное приобретает свой статус только в силу того, что реальная форма материальной предметности идеализируется только в режиме обобществленной объективации сущности человека, т.к. в этом случае всякий произвольно взятый общественный факт приобретал бы автоматически и по умолчанию черты идеальной транзитивности, что следует считать неприемлемым выводом с точки зрения методологии научного познания, ибо такой ход мысли стал бы оправданием для каких угодно догматических допущений, требуя их идеальной легализации. Во избежание такого рода эксцессов следовало бы установить заранее ограничительное квалифицирующее условие для идеализации, суть которого В.Н. Духанин усматривал в том, что «процесс производства предметного знания можно изобразить в виде практической деятельности по преобразованию объекта природы в предмет потребности» [Духанин 1977, 25]. Этот критерий для осуществления возможной идеализации представляется ему более корректным, нежели простая мыслимость непротиворечивой обобществленной симплификации факта. Идеальное следует ограничить феноменом переходности в интенциональный объект потребностной диспозиции субъекта, чтобы оно могло обладать непротиворечивым функционалом в процессе познания.

Будучи нацеленной на обоснование объективного научного познания, борисовско-духанинская методологическая программа фиксировала субъектно-объектное отношение в качестве системообразующей гносеологической оппозиции. Самарские методологи настаивали: «Мыслительная деятельность вообще и в том числе познавательная всегда есть деятельность с объектом» [Борисов, Духанин 1974б, 142]. Сам объект при этом мыслится существующим независимо от познавательных усилий и гносеологических установок человека, поскольку он зиждется на определенных онтологических предпосылках, будучи локализованным в пространстве, длящимся во времени и отягощенным факторами характерного для него материального генезиса, в ходе которого он приобрел признаки, релевантные для своей тематической формализации. Совокупность этих признаков образует упорядоченную форму объекта, в которой он становится устойчивой сюжетной единицей, по поводу которой совершается отправление актов познавательной рефлексии. Она становится связующим звеном между онтологическими предпосылками бытования сущего в объективированном плане и перспективами теоретико-

познавательного приращения определенности. Эта рефлексия, однако, именно по причине соотнесенности с функцией понятийного опосредствования характеризуется амбивалентностью, на которую обращали внимание В.Н. Борисов и Н.В. Суркова: «Нужно при этом четко отличать философские представления о рефлексии и реальную рефлексивную деятельность, осуществляющуюся в процессах научного и философского познания» [Борисов, Суркова 1986, 10]. Философские представления о рефлексии, будучи взятыми в их чистом виде, образуют норму концептуального позиционирования процедур рефлексивного опосредствования в процессе научного познания, тогда как реальная рефлексивная деятельность предполагает иное отношение к ней. Будучи взятой в многообразии своих типологических характеристик в ходе процессов обобщения, рефлексия предстает не столько в виде акта нормативного регламента познавательного начинания, сколько проходным техническим эпизодом, отражающим внутреннюю связность познавательной деятельности. Именно смешение двух этих аспектов рефлексии становится источником методологических aberrаций. Если нормативная сторона рефлексии характеризует ее отношение к достоверности системного опосредствования познавательного процесса, то на исполнимость технического аспекта рефлексивной процедуры оказывают влияние преимущественно вероятностные факторы. В своей эпохальной статье «Определение знания в системе эпистемических категорий» В.Н. Борисов прибегает к уточнению значения высказываний, обращая внимание не только на оппозицию вероятности и достоверности, но и вводя в ткань познавательного процесса фактор неопределенности, оппозицию правдоподобия и ложноподобия, а также показывая эпистемическую значимость обоснованной ложности. В качестве критерия формализуемости этих оппозиций В.Н. Борисов вводит дистинкцию, основанную на частичной и полной осознанности рефлексивного акта в ходе познавательной деятельности. В.Н. Борисов приходит к следующему выводу: «Чаще всего заблуждение отождествляется с ложным и противопоставляется истинному. Однако ложное само по себе не может еще рассматриваться как заблуждение. Если ложность высказывания признается (т.е. отвергается его истинность) с достаточной степенью обоснованности и осознанности, то такое когнитивное образование представляет собой знание. Заблуждением является признание истинным объективно ложного или, наоборот, отвержение истин-

ности объективно истинного» [Борисов 1980, 38]. Руководствуясь этой установкой, можно обнаружить в составе познавательного процесса моменты с неустойчивым эпистемическим статусом, квалифицируя их в качестве убеждений, веры или мнений. Их наличие в составе эпистем допустимо, но они не обладают демонстративной значимостью с точки зрения полноценной научной аргументации. В сущности, В.Н. Борисову близка аристотелевская позиция, в соответствии с которой «иерархичность познания оказывается выражением иерархичности самого мира. Более совершенное знание является знанием более совершенного сущего» [Борисов 1996, 17]. На достижение этого идеала и должна быть ориентирована истинная методология.

Проблема стиля научного мышления в философии и методологии науки

Если борисовско-духанинская методология видела свою стратегическую задачу в обосновании логического единства онтологии и теории познания в контексте функционирования формы взаимно-однозначного соответствия бытия и мышления на уровне объективированных моделей познавательной деятельности, что предполагало различение предметного и категориального аспектов научного знания, то вопросы функционирования наук в их реальном дисциплинарном разнообразии стали предметом исследования в философии В.Т. Салосина, сформулировавшего проблему стиля научного мышления в ходе обращения к специфике различия между естественными и общественными науками. Обращение к проблеме стиля научного мышления предполагало рассмотрение вопроса о лимитах продуктивного взаимодействия между различными науками, опираясь на разработанную классификацию наук. На тот момент в советской философии этот вопрос предполагалось считать решенным, но на деле единого теоретического решения, предполагающего наличие общей базы идейных нормативов, не существовало. Это оставляло известную свободу в ходе расстановки методологических акцентов, что было обусловлено открытостью сюжетной перспективы развития самого научного знания на почве успехов научно-технического прогресса, в ходе которого, согласно марксистской догматике, знание становилось реальной силой, способной в предельных случаях оказывать обратное преобразующее воздействие на весь комплекс производительных сил. Подобного рода мировоззренческое до-

пущение, которое на системном уровне противоречило материалистическому пониманию истории в его буквальном прочтении, поскольку низводило ленинскую «теорию отражения» до уровня идеологической декларации, считалось тактико-прагматически приемлемым в качестве своеобразного функционального аналога гегелевской «хитрости Разума» (*List der Vernunft*). Допуская само понятие научной новизны в качестве критерия оценки продуктивности научной деятельности, следовало признать наличие известной меры непредрежденности в самом научном исследовании, хотя это и диссонировало с представлениями о марксизме как о единственно-верном и всепобеждающем учении. Вот почему вопрос о классификации наук пребывал в локусе приостановки прагматической санкции идеологии. Наличие репрезентативной модели, продуктивность которой находила объективное подтверждение, позволяло оставить вопрос о классификации наук условно-открытым, что нашло свое выражение в позиции И.Т. Фролова, который выдвигал тезис о том, что «моделирование уже по самой своей гносеологической природе оказывается эвристически эффективным лишь в связи с теоретическим познанием объекта» [Фролов 1989, 354]. Эта формулировка оставляла место для теоретических поисков.

Сама по себе методология, на какие бы продуманные основания она ни опиралась, заключала в себе логику согласования онтологических предпосылок и теоретико-познавательных перспектив. С точки зрения борисовско-духанинской методологической программы, настаивающей на разграничении предметного и категориального аспектов познавательного процесса, вопрос о классификации наук, находящихся в ходе развития их форматива, вызванного насыщением новым предметным материалом, нельзя было решать абстрактно-метафизически, пользуясь одними только логическими критериями. Следовало выявить такие репрезентативные модели, которые вписывались бы в режим предметной оптимизации взаимодействия отдельных научных дисциплин. На решение этой теоретической задачи была нацелена концепция «взаимопроникновения наук», разработанная В.Т. Салосиным. Симптом явной понятийной дефицитарности и теоретического неблагополучия в советской философии науки В.Т. Салосин усматривал в идеологических эксцессах лысенковщины, ставшей позорной страницей в истории отечественной науки. Именно критика псевдонаучного доктринерства, поставившего под угрозу су-

ществование целой области динамично развивающегося научного знания, побудила обратиться к проблеме взаимодействия частнопредметных установок и общеметодологических принципов в научном познании. Основное внимание В.Т. Салосин уделял идее взаимопроникновения естественных наук, которая должна была получить обоснование с позиций марксистской материалистической диалектики. В.Т. Салосин учил: «Анализ данных различных естественных наук с точки зрения диалектики элементов и структуры показал, что подобие структур объективно складывается в результате противоречивого развития материальных образований как результат действия законов диалектики» [Салосин 1972, 69]. Диалектическое видение материального единства мира в его реальном предметном многообразии выявляет онтологические предпосылки морфологических аналогий, аксиоматизируемых в общем методологическом фонде научного познания. Что же касается реальной гносеологической продуктивности морфологических аксиоматик, то она оказывается в актуальной познавательной деятельности детерминированной целым комплексом факторов. Это значит, что та или иная морфологическая аналогия может обладать гносеологически-легитимированным онтологическим статусом, но в конкретной динамике частнопредметного материала естествознания ее функционал может быть как ограничен, так и видоизменен под воздействием интерференций, вызванных факторами динамики данного проблемного поля. Закономерность природы может быть сведена к абстракции, но не всегда напрямую может быть выведена из нее, ибо нужно учитывать опосредствование (*Vermittlung*) на уровне отношений между структурой и входящими в нее элементами. Наличие общего списка элементов в рамках двух внешне схожих морфологических структур само по себе еще не дает права говорить об открытии закономерности, валидной для всех известных материальных образований, поскольку в рамках схожих структур элементы могут подчиняться разным нормативам сочетаемости, что предполагает наличие разных уровней проявления относительной свободы предметного материала в феноменах, гипотетически совместимых по принципу своей формализации. Этот ход мысли близок установке критической онтологии Н. Гартмана, требующей различения логической родо-видовой ступенчатости (*Stufung*) и реальной типологической сложности (*Schichtung*). Руководствуясь ленинским принципом конкретности истины, В.Т. Салосин видит в абстракции частный

момент идеализации рабочей фазы доказательства гипотезы, солидаризируясь с Э.В. Ильенковым, который полагал, что «сам объективный исторический процесс производит абстракцию, в которой удержаны лишь конкретно-всеобщие моменты развития, очищенные от исторической формы» [Ильенков 1997, 287]. В салосинской концепции философии науки этот момент приобретает целый комплекс интересных методологических импликаций.

В.Т. Салосин не был сторонником беспредпосылочного и неумного сциентистского оптимизма, нагнетающего пафос неоправданных ожиданий в связи с пресловутым «феноменом междисциплинарности», предполагающим «слияние» различных наук под аккомпанемент прогрессистской фразеологии: «Абсолютного слияния даже двух наук произойти не может. Тем более, нельзя говорить о полном слиянии всех наук» [Салосин 1983, 71]. Подлинное развитие естествознания, в ходе которого может происходить лимитированное взаимопроникновение различных методологических установок, осуществимо только на основе дифференциации понятийного аппарата, требующей строгих категориальных дистинкций. Только так можно избежать ложных аналогий и предотвратить интерференцию в предметных полях. Эти дистинкции призваны гарантировать конкретность научной истины, которая напрямую связана с различиями в темпоральной динамике отдельных областей научного знания. Далеко не все методологические установки, зарекомендовавшие себя с лучшей стороны в фазе предметного эмпирического узуса, могут напрямую конвертироваться в категориальные образования, характеризующиеся общезначимостью и достигающие эффекта универсальной логической транзитивности. В этом моменте позиция В.Т. Салосина оказывается более сдержанной, чем борисовско-духанинская методология, в которой разведение предметного и категориального уровня знания обосновывается и декларируется, но в которой абстрактные признаки логически-репрезентативных моделей даются без уточнения нормативов предметных областей знания, различающихся темпорально по факту институализации структур теоретической рефлексии. В.Т. Салосин вводит понятие «стиля научного мышления», посредством которого объясняются различия в нормативах транзитивности модельных структур научной рефлексии в различных областях научного знания: «Опорные понятия стиля мышления (вероятность, информация, управление, комплекс и др.) сами по себе не являются ни обще-

методологическими, ни философскими категориями, а многие из них и не могут быть отнесены к категориям какой-либо отдельной науки. Но на отдельных этапах научного познания они несут те же логические, гносеологические и методологические функции, что и категории» [Салосин 1988, 43]. В.Т. Салосин ограничивает устремления борисовско-духанинской методологии, требуя не столько ее теоретической корректировки как методологической концепции, сколько ограничения горизонтов ее применения, лимитированного секторальными факторами того угла зрения, который практикуется в данной конкретной дисциплине, исходя из специфики созревания рефлексивных структур обобщения в наличном предметном материале.

Общий смысл салосинского учения о стиле научного мышления состоит в том, что далеко не все методологические установки, создающие продуктивные в научном отношении репрезентативные модели, востребованные частнопредметным контекстом, могут быть легитимированы на интерсубъективном уровне научной рациональности, представленном категориальным знанием. Для В.Т. Салосина очевидно, что в борисовско-духанинской методологии с ее подчеркнутым объективизмом тема субъекта познания рассматривается как периферийный феномен, не обладающий выраженными признаками гносеологической релевантности. Между тем именно субъект образует фокус гносеологической активности и задает перечень потребностных запросов познания, определяющих силу его идейного импульса. Теория познания, строящаяся на основе субъектно-объектной оппозиции, не вправе игнорировать это обстоятельство, которое, с точки зрения эпистемологии, занимающейся вопросом транслируемости и совместимости научных теорий, оказывается индифферентным в проблемном отношении. Если бы познание исчерпывалось одной только объективацией методологической диспозиции, в нем бы никогда не возникал запрос относительно научной новизны знания, который может исходить только от субъекта познания, формы активности которого, с одной стороны, отражают степень внутренней свободы материала, а с другой – осуществляют конкретно-историческую привязку инициатив научного познания к реальности, взятой в аспекте ее развивающегося диалектического становления. Вот почему в познании следует отличать метод, соотносящийся с мерой объективируемости истины, от стиля, в средоточии которого стоит субъект с его реальным генезисом, налагающим

ограничения на обобщающий потенциал практикуемой в предметном материале рефлексии. Эти ограничения приоритетны в порядке легитимации в познавательной деятельности результатов научно-теоретического обобщения. Идейное содержание познавательного процесса определяет стиль, а не метод. Без понимания этой дистинкции разум оказывается обреченным на полную мировоззренческую слепоту. В.Т. Салосин учил: «Отличие стиля от метода проявляется еще и в том, что основу всякого развитого научного метода составляет теория, отражающая объективные закономерности предмета исследования. Вообще любая научная теория, обращенная к практике или к познанию новых явлений, выступает как метод. Но никакая теория сама по себе не есть стиль» [Салосин 2006, 111]. Понимание стиля как комплексного норматива плана выражения идейного содержания познания делает салосинское учение о стиле созвучным теории дистинкций М.А. Лифшица. Этот ход мысли ставит самарского методолога над схваткой применительно к дискуссии о проблеме идеального, поскольку салосинская «стилевая новелла» знаменует собой снятие ее проблемной коллизии. Разработанные В.Т. Салосиным подходы к классификации наук и нормативы стилистических идентичностей в разных областях научного знания не только обогатили марксистскую мысль, но и опередили запросы самой научной рефлексии, практикуемые в частнопредметном познании. Следует согласиться с мыслью Е.М. Ковшова о том, что «не всякое имеющееся знание важно для отображения данного объекта с точки зрения определения важнейших практических целей» [Ковшов 2020, 33]. Салосинское учение о стиле дает ответ на вопрос о критерии идейной релевантности в ходе познавательного процесса.

Пути самарской социальной философии

Развертывание проблемного комплекса социальной философии в самарских реалиях позднего советского периода характеризуется выдвиганием на передний план исследования темы социальной рефлексии. Это во многом было обусловлено тем, что методологический ракурс диалектического материализма предоставлял гораздо большую свободу для человеческой мысли, нежели догматика исторического материализма, замыкающая любое социально-философское теоретизирование в прокрустово ложе формационной теории. На общесоветском уровне в рамках

социальной философии наметилась тенденция к реабилитации аксиологической проблематики, взятой в контексте взаимодействия социальных факторов в ходе ценностного самоопределения человека. Провозвестником этих новых веяний выступил И.Т. Фролов: «Смысл человеческой жизни, определяемой этими факторами, также приобретает регулятивную функцию, которая играет все более решающую роль по мере личностного и общественного развития человечества в их диалектическом единстве» [Фролов 1983, 308]. Эта риторика пролагала дорогу грядущему перестроенному ревизионизму, но на момент своего озвучивания стоила совсем немного без методологических санкций диалектического материализма. Вот почему самарская философия не прибегает к камуфляжу аксиологии, а предпочитает обосновывать новые пути социальной философии в общеметодологическом ключе. Поэтому прикладной социально-философский аспект методологии, развиваемый В.Н. Духаниным, оказался в этой связи столь востребованным. То, что в контексте формационной доктрины исторического материализма смотрелось бы явной идеологической контрабандой, в рамках методологии диалектического материализма выглядело вполне безобидной гипотезой, подлежащей обсуждению в качестве логико-дидактической проблематики. Рассматривая объекты знания в структурном контексте социологической теории, В.Н. Духанин ставит вопрос о Духе: «Специфика духовной сферы (по сравнению со сферой материальной деятельности) заключается в том, что здесь применяются языковые и логические средства, а вместо материальных (реальных, эмпирических) объектов воссоздаются и применяются идеальные (теоретические, абстрактные) объекты» [Духанин 1976, 47]. О «духе» как о субъекте здесь речь не заходит, но сама постановка вопроса о специфике рано или поздно потребует и соответствующей эйдетики, следуя логике саморазвивающегося метода. Дело доходит до неявной реабилитации телеологии в актах рефлексии социального познания: «Суть ее выражается в выявлении характера и направленности целевого действия, связывающего выделенный предмет деятельности с социальной потребностью» [Духанин 1983а, 142]. В.Н. Духанин закрепляет достигнутый результат, связанный с выявлением телеологической специфики социальной рефлексии как проявления духовной жизни на уровне категориальной структуры социального познания: «обществовед, исследуя определенный фрагмент социальной действительности,

сам погружен в аналогичную или ту же социальную систему. Следовательно, он не может быть сторонним и нейтральным наблюдателем» [Духанин 1988, 96]. Рефлексия рождается из социального действия, а принцип материалистического понимания истории пребывает незыблемым в своей монументальной догматической неприкосновенности, однако за Духом закрепляется специфика на трансцендентальном уровне категориального знания, которая отныне может беспрепятственно заявлять о себе в актах социальной рефлексии по поводу целеполагания, легально реализуемого в социальной деятельности. Методологический путь эмансипации социально-философской проблематики от догматики исторического материализма, предложенный В.Н. Духаниным, оказывается более прямым и эффективным, чем практикуемый на общесоветском уровне способ аксиологических иносказаний и эзопов язык культурологического дискурса в среде адептов гуманитарного знания.

На онтологизации чисто методологического хода мысли в статусе предпосылок базируется исходный прецедент первой социально-философской концепции в г. Куйбышеве, созданный М.С. Кветным. В целом этот прецедент легендируется ильенковским тезисом: «Генетически понимаемое всеобщее существует вовсе не только в эфире абстракции» [Ильенков 2010, 276], что вполне созвучно схоластическому реализму, который выступает у М.С. Кветного в умеренно-реалистической редакции: «Теоретическое воспроизведение структуры целостного человека гносеологически связано с процедурой вычленения ее основных элементов (подсистем), рассматриваемых в их органическом единстве, взаимосвязи и сопряжении» [Кветной 1989, 4]. Обращаясь к проблеме целостности образа человека в социуме, М.С. Кветной затрагивает и ревитализирует доктрину анамнезиса, восходящую к платонизму, а также тему контракции, разработанную еще Николаем Кузанским. Соединяя в понятие «целостности» аспекты воспроизведения идеального праобраза и сопряжения их в реальной конкретике социального бытия, М.С. Кветной рассматривает подсистемы социума как условности, значимые в органическом единстве целостной человеческой жизни. Такой ракурс оказывается в высшей степени продуктивным для мировоззренческой гуманизации марксистской доктрины. Нет ничего удивительного в том, что философ обращается к ключевой как для гегельянства, так и для марксизма теме отчуждения, по-

лучившей последовательное развитие в различных версиях западного критического марксизма. Это оказывается вполне созвучным марксистской заповеди о необходимости развенчания тех идеологических мистерий, которые в социуме человек насаждает на предмет своей сущности, оказывающейся рефлексивным конгломератом всей системы общественных отношений. Согласно М.С. Кветному, проблема отчуждения возникает тогда, когда в ходе человеческой деятельности в социуме ставится под сомнение целостность человеческого образа: «В целом в обществе отчуждения в сознании людей складывается целый мир иллюзий, представлений и умонастроений, превратно выражающих действительные общественные связи и отношения» [Кветной 1974б, 152]. Для современников М.С. Кветного «общество отчуждения» однозначно тождественно капитализму как системе отношений, преодоленной практикой реального социализма. Так должно быть по неписаным правилам марксистского идеологического этикета. Но ведь всякий мыслящий человек способен обнаружить иллюзии и превратное понимание действительности и в контексте общественных реалий развитого социализма, что ставит под сомнение эффективность той практики, которая его осуществила. Следовательно, проблема отчуждения не имеет однозначной формационной локализации исключительно в интерьерах общества, где существует базовое антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Такого рода гипотеза представляется в условиях развитого социализма вполне определенной идеологической крамоллой. Этот вывод напрашивается сам собой, но в социальной философии М.С. Кветного его можно дезавуировать, прибегнув к ссылке на ложную аналогию, оказывающуюся следствием неправильной интерпретации эффекта системной телеологической интерференции: «Понятие целесообразности в его широком значении фиксирует особый способ поведения сложных систем, характеризующийся способностью путем саморегуляции достигать заданное конечное состояние, как бы стремиться к нему в меняющихся условиях среды» [Кветной 1974а, 28]. В ходе взаимодействия социальных подсистем, отражающих сущностные связи различных уровней, складываются обратные связи, позволяющие идеировать целеполагание социума под углом синтеза некоего избытка обратных связей, репрезентирующих антагонистическое противоречие буржуазного общества, но отсутствующую

щих в реалиях развитого социализма, где противоречия не носят антагонистического характера и затрагивают только уровень существования, будучи чуждым его внутренней сущности, его субстанциальной основе. Если саморегуляция подсистем в обществе запаздывает, то это обусловлено тем, что каждая из них по отдельности настолько развита, что не допускает однозначной реакции на стимул, исходящей от среды, в которой базовая закономерность сказывается в формационно-адекватном виде. В условиях развитого социализма телеологическая идеация сложнее тематического формационного средового эффекта, что обусловлено превосходством социалистического общества в плане потенциала отражающих подсистем, которые сложнее и многомернее, чем опыт индивида, в котором феномен отчуждения сказывается непосредственно. Его следует социализировать под знаком формационно-адекватного целеполагания, и тогда феномен отчуждения в его сознании саморазоблачится в своей иллюзорности. Этот диалектический способ аргументации, разработанный в социальной философии М.С. Кветного, обладал огромной интеллектуальной притягательностью в условиях советского идеологического двоемыслия. Его можно было исповедовать *bona fide*, а можно было практиковать в совершенно ином смысле *lege artis*. Пример первого подхода обнаруживается в телеологической концепции О.Г. Юровицкого, а второго – в философии права Р.И. Таллера. Характеризуя проблему целеполагания в последовательно марксистском ключе, О.Г. Юровицкий писал: «стержнем рассматриваемого полагания, его базисной составляющей служит не что иное, как взаимодействие между целью-помыслом (Цп) и целью-метой (Цм). После того, как предмет потребности, пройдя мыслительную переработку, превращается в некоторый четко определенный конкретный ориентир, он сам становится объектом отражения» [Юровицкий 1986, 31]. Цель-мета является окказиональной аллюзией на учение Т. Гоббса о практике, в котором в духе номинализма знаки рассматриваются как «метки» приложения практикоориентированных интенций. В замысле телеологической концепции О.Г. Юровицкого, предполагающей разработанную систему категориальных оппозиций целеполагания, заключалась возможность своеобразной атеистической марксистской теодицеи, в которой вместо различных прецедентов метафизического, морального и физического зла выступал пресловутый избыток обратных связей. Сходный сюжет обнаруживался и

в онтогносеологии М.А. Лифшица. Эта программа, однако, не была осуществлена как в первом, так и во втором случае, поскольку реалии развитого социализма в непосредственной жизни деградировали быстрее, чем можно было обнаружить на практике некий идеальный форматив общественного бытия, который бы допускал всестороннюю апологетику своего содержания на уровне понятия. Суть этой коллизии была вполне очевидна для Р.И. Таллера, вставшего на путь «иронического марксизма», руководствуясь примером А.Ф. Лосева. Рассматривая в методологическом ключе аспекты правовой культуры саморазрушающегося советского социума, Р.И. Таллер подчеркивает принципиальную человеческую несвободу в плане выбора формы наличных общественных отношений *toto genere*: «Последняя детерминирована экономическими отношениями так, что все последующие отношения субординированы предыдущими» [Таллер 1989а, 126]. Если М.С. Кветной допускал возможность включения идеалистического анамнезиса в объяснение целостности человека в социуме, то Р.И. Таллер осуществляет весьма жесткую методологическую редукцию к гистерезису реальности, отбрасывая идеалистические фикции, обнаруживая при этом более последовательную приверженность марксистскому формативу. Отстаивая тезис о мировоззренческой природе философии, Р.И. Таллер отвергал возможность возникновения ее начала в ходе частнопредметного генезиса, что противоречило бы ее духовно-практической функции в социуме: «Другое дело, что это была абстрактная целостность. В результате мы пытались представить философию как конкретную целостность, каждая из сторон которой и синтез которых реализуют внеисторическую, мировоззренческую природу ее» [Таллер 1989б, 96]. Впоследствии, развивая мысль о философии как о логике, обеспечивающей критику мировоззрения, Р.И. Таллер трактовал кризис как ситуацию утраты или самофальсификации исходных онтологических оснований: «Кризис философии – это утрата ею своей природы, предмета, специфики, а значит и функций» [Таллер 1999, 70]. Советская философия не могла пережить реальность обреченного на историческую гибель общественного уклада и не могла выработать в рамках социальной теории рецепта его спасения, поскольку это противоречило бы базовым постулатам ленинской «теории отражения», но она могла отразить динамику этих процессов в специфической интеллектуальной форме, с той, однако, оговоркой, что реальные противоречия

развитого социализма могли в ней предстать через деформацию целостности самой марксистской философии, предусматривающую аберрацию комплекса ее мировоззренческой функции.

Гуманистическая сторона социально-философской рефлексии по поводу рассмотренной сюжетной коллизии представлена в наследии И.Л. Арончика, занимавшегося проблемой бытия искусства в социуме. Обращаясь к проблемам эстетики, И.Л. Арончик апеллировал не только к фундаментальным трудам немецких классиков, блестящим знатоком которых он был, но и к эстетическим концепциям Б. Кроче, Р. Ингардена и Н. Гартмана, с которыми он впервые познакомил самарскую философскую публику. Философ уделял большое внимание специфике различных видов искусств, подчеркивая, что осуществимость той или иной художественно-общезначимой идеи в реалиях общественной жизни предполагает учет объективной степени свободы материала, формализуемого в ходе художественной практики: «Продукты творческой фантазии художника становятся объективно-новыми образами, становятся фактами общественного сознания постольку, поскольку они объективируются в материале того или иного вида искусства» [Арончик 1977, 98]. Этот подход сближает его как с салосинской теорией стиля научного мышления, так и с признанием значения анамнезиса в социальной философии М.С. Кветного. При этом И.А. Арончик уделял огромное внимание проблеме эстетического идеала, в котором он усматривал отражение мировоззренческих и ценностных приоритетов наличного социума, преподнесенных в конкретных нормативах художественного обобщения: «Эстетический идеал выступает здесь как сумма художественных принципов, позволяющих с наибольшей в данных условиях полнотой и точностью выразить в искусстве мысли, чувства, настроения людей, их эстетические потребности» [Арончик 1980, 168]. Если классики делали акцент на нормативе предельности в идеале, а М.А. Лифшиц на аспекте опосредствования, то И.Л. Арончик подчеркивает нормативную значимость полноты художественного обобщения. С этих позиций самарский философ неоднократно выступал с критикой рецидивов шулятиковщины и вульгарного социологизма в понимании искусства. В этом он сходилась с М.А. Лифшицем в плане неприятия учения М.С. Кагана об «упреждающем отражении» и о творческом характере рецепции, упраздняющем значение авторского начала в искусстве. И.Л. Арончик учил: «Художественные образы суще-

ствуют как идеальные образы только в сознании людей. Таков онтологический статус произведения искусства. Однако это не означает, что художественный образ создается, конструируется сознанием реципиента» [Арончик 1974, 88]. Полнота эстетического опосредствования не допускает произвола, поскольку предполагает гармонию формы и содержания, имеющую катарсический статус в реалиях общественного сознания. Философ приветствовал процесс Перестройки, полагая, что «необходимо создать в стране новую идейно-нравственную атмосферу, соответствующую гуманистической природе социализма» [Арончик, Нечаев 1989, 128]. Эта иллюзия в целом была характерна и симптоматична для лучших представителей той эпохи. Она вытекала из особого понимания диалектического метода, всемогущество которого не подвергалось сомнению, поскольку считалось возможным и желательным в рамках гуманизированной марксистской социальной теории «преодолеть aberrации классических интерпретаций проблемы человека» [Шестаков 1994, 34].

Заключение

Самарская методологическая школа, будучи характерным продуктом общественного сознания со всеми вытекающими типологически-значимыми признаками, обладает оригинальной локальной спецификой, проявившейся в решении проблемы единства бытия и мышления на основе марксистского понимания ОВФ. Самарские философы видели в ней не столько мировоззренческую, сколько методологическую проблему достижения логической непротиворечивости для выражения баланса между онтологическими предпосылками и теоретико-познавательными перспективами. Не вступая в конфликт с господствующей идеологией, они предложили решения этой проблемы на общеметодологическом уровне, в проблемном материале философии науки и в контексте социальной философии, в которой их теории могли функционировать с различными обобщающими коннотациями.

1. Борисовско-духанинская программа оптимизации методологии научного познания, исходящая из разграничения предметного и категориального уровней, выдвинула логическую концепцию, на основе которой принцип материального единства мира мог дать достоверные, вероятные, правдоподобные, ложноподобные и ложные результаты, отличные от заблуждения. Градус истинности

значения определялся балансом онтологических предпосылок и гносеологических перспектив с точки зрения их функциональной достаточности.

2. Салосинская теория стиля научного мышления показала значимость транзитивности репрезентативных моделей научной рефлексии с точки зрения реального развития субъекта, осуществляющего познавательную деятельность. Было обосновано теоретическое различие между понятиями стиля научного мышления и методом научного познания на основе продуманной классификации наук. Была выявлена идейная подоплека нормативности в разных стилях научного мышления.

3. В самарских обществоведческих студиях был обоснован путь перехода от догматики исторического материализма к социальной философии критического образца, фокусирующей исследовательское внимание на методологическом обеспечении социальной рефлексии, рассчитанной на различные праксиологические приоритеты. Социально-философская концепция М.С. Кветного создала прецедент диалектического узуса критической рефлексии нового типа, проявившегося в телеологическом дискурсе, в учении о мировоззренческой функции философии и в гуманизации социальной реальности путем эстетического воспитания личности.

Значение самарской философии периода «развитого социализма» состоит в создании академической атмосферы, сочетавшей строжайшую научную добросовестность и идеалы духовной свободы. На этой основе стало возможным возникновение нескольких научных школ, чьи достижения еще ожидают как общероссийского признания, так и исторического исследования с точки зрения симптоматического значения локальной философской специфики в перспективах развития философского самосознания в России. Самарская философская мысль создала прецедент неантагонистического продуктивного взаимодействия высочайшей методологической культуры и мировоззренческих приоритетов, выработанных в ходе определенной исторической эпохи. Это достижение представляет объективный интерес с точки зрения выявления цивилизационной миссии философии в современной российской действительности.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арончик 1974 – Арончик И.Л. Диалектика объективного и субъективного в процессе художественного воспитания // Диалектика объективного и субъективного в познании и практической деятельности.

Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 83–96.

Арончик 1977 – *Арончик И.Л.* Методологическое значение термина «сотворчество» в исследовании процесса художественного восприятия // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 96–104.

Арончик 1980 – *Арончик И.Л.* Эстетический идеал как норма в реальном функционировании искусства // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1980. С. 166–174.

Арончик, Нечаев 1989 – *Арончик И.Л., Нечаев А.В.* Нравственная культура в условиях перестройки // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 126–132.

Борисов 1976а – *Борисов В.Н.* О специфике методологического анализа научного познания // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 4–20.

Борисов 1976б – *Борисов В.Н.* Проблемы гносеологического и методологического анализа логических форм мышления // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 57–67.

Борисов 1977 – *Борисов В.Н.* К анализу категориальной структуры процессов развития знаний // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 4–18.

Борисов 1980 – *Борисов В.Н.* Определение знания в системе эпистемических категорий // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1980. С. 6–48.

Борисов 1983 – *Борисов В.Н.* Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 7–13.

Борисов 1986 – *Борисов В.Н.* Соотношение структуры научного исследования и способа изложения. Дидактический аспект // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 143–156.

Борисов 1988 – *Борисов В.Н.* Категориальное знание: гносеологическая природа, формы, способы функционирования // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник научных статей. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1988. С. 5–29.

Борисов 1996 – *Борисов В.Н.* Философия Аристотеля. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1996.

Борисов, Духанин 1974а – *Борисов В.Н., Духанин В.Н.* Проблема соотношения субъективных форма знания с объективной действительностью // Дialeктика объективного и субъективного в познании и практической деятельности. Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 58–68.

Борисов, Духанин 1974б – *Борисов В.Н., Духанин В.Н.* Формирование научного знания в социально-экономическом исследовании (Проблемы методологии научного познания). – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974.

Борисов, Суркова 1986 – *Борисов В.Н., Суркова Н.В.* Философия и рефлексия // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 5–15.

Борисов, Хазова 1977 – *Борисов В.Н., Хазова Л.В.* Некоторые аспекты функционирования и развития понятий в системах теоретического знания // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 29–35.

Дубровский 1983 – *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983.

Духанин 1976 – *Духанин В.Н.* Объекты знания в структуре социологической теории // Методологические проблемы науки и культуры. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. С. 42–67.

Духанин 1977 – *Духанин В.Н.* Абстрактные объекты и механизмы образования научного знания // Методологические проблемы науки и культуры (Межвузовский сборник). Выпуск 2. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 18–29.

Духанин 1983а – *Духанин В.Н.* Рефлексия в социальном познании // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 141–147.

Духанин 1983б – *Духанин В.Н.* Формирование социального знания. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983.

Духанин 1986 – *Духанин В.Н.* Идеальное и проблема соотношения эмпирического знания с действительностью // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 41–51.

Духанин 1988 – *Духанин В.Н.* Категориальная структура социального познания // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1988. С. 92–99.

Ильенков 1997 – *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Росспэн, 1997.

Ильенков 2010 – *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории / 3-е изд. – М.: УРСС, 2010.

Кветной 1974а – *Кветной М.С.* Феномен цели как единство субъективного и объективного в регуляции человеческой деятельности // Диалектика объективного и субъективного в познании и практической деятельности. Межвузовский сборник статей кафедр философии и научного коммунизма. Выпуск 1. – Куйбышев: Куйбышевский плановый институт, 1974. С. 26–39.

Кветной 1974б – *Кветной М.С.* Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета, 1974.

Кветной 1989 – *Кветной М.С.* К проблеме формирования целостного человека // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 3–9.

Ковшов 2020 – *Ковшов Е.М.* Социальная рефлексия (структура, формы и функции). – Самара: Самарский государственный технический университет, 2020.

Копнин 1973 – *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования. – М.: Наука, 1973.

Копнин 1974 – *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974.

Лифшиц 2004 – *Лифшиц М.А.* Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира «Истинная середина». – М.: Искусство – XXI век, 2004.

Лифшиц 2010 – *Лифшиц М.А.* *Varia*. – М.: Грюндриссе, 2010.

Салосин 1972 – *Салосин В.Т.* Диалектика взаимопроникновения естественных наук. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1972.

Салосин 1983 – *Салосин В.Т.* Рефлексия и интеграция наук // Проблемы рефлексии в научном познании. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. С. 69–73.

Салосин 1988 – *Салосин В.Т.* Категориальные основания интеграции научного знания // Категориальные основания научного знания. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1988. С. 39–46.

Салосин 2006 – *Салосин В.Т.* Философия и методология науки. Курс лекций. – Самара: Самарский муниципальный университет Наяновой, 2006.

Таллер 1989а – *Таллер Р.И.* Некоторые методологические проблемы правовой культуры // Культура и личность в условиях перестройки. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский университет, 1989. С. 119–126.

Таллер 1989б – *Таллер Р.И.* Философия как логика и методология познания права. – Куйбышев: Изд-во Саратовского университета. Куйбышевский филиал 1989.

Таллер 1999 – Таллер Р.И. Заметки о системности философии И. Канта в связи с природой философии // Научные беседы с Кантом – 99. Сборник научных статей. – Самара: СамВен, 1999. С. 62–71.

Фролов 1983 – Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. – М.: Политиздат, 1983.

Фролов 1989 – Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. – М.: Политиздат, 1989.

Шестаков 1994 – Шестаков А.А. Онтологизм как стратегия осмысления сознания (Опыт феноменологии и философской герменевтики) // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. С. 32–41.

Юровицкий 1986 – Юровицкий О.Г. К рассмотрению структуры целеполагания // Проблемы диалектики научного познания. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 23–33.

REFERENCES

Aronchik I.L. (1974) Dialectics of Objective and Subjective in the Process of Artistic Personal Development. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Process of Personal Development and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 83–96). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Aronchik I.L. (1977) Methodological Meaning of the Term “Co-Creation” in the Study of the Artistic Perception Process. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 96–104). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Aronchik I.L. (1980) Aesthetic Ideal as a Norm in the Real Art Functioning. In: *Methodological Problems of Science and Culture. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 166–174). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Aronchik I.L. & Nechayev A.V. (1989) Ethic Culture under the Circumstances of Perestroika. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 126–132). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1976a) The Characteristic Features of Methodological Analysis Concerning Scientific Knowledge. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 4–20). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1976b) The Problems of Gnoseological and Methodological Analysis of the Logical Reasoning Forms. In: *Methodological Problems*

of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles) (pp. 57–67). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1977) The Analysis of Categorical Structure Regarding the Knowledge Evolution Process. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 4–18). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1980) Interpreting Knowledge within the System of Epistemological Categories In: *Methodological Problems of Science and Culture. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 6–48). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1983) Reflexivity in Science: Gnoseological Essence, Forms and Functions. In: *Reflexivity Problem in Scientific Cognition. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 7–13). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1986) The Correlation of the Scientific Research Structure and the Way of Presentation. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics of Scientific Cognition* (pp. 143–156). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1988) The Categorical Knowledge: Gnoseological Essence, Forms and Modes of Existence. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 5–29). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. (1996) *Aristotelian Philosophy*. Samara: Samara Humanitarian Academy Publishing House (in Russian).

Borisov V.N. & Dukhanin V.N. (1974a) The Correlation Problem of Subjective Knowledge Forms with Objective Actual Reality. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Cognition Process and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 58–68). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Borisov V.N. & Dukhanin V.N. (1974b) *Scientific Knowledge Formation Within the Frame of Social-Economic Research (The Problem of Scientific Cognition Methodology)*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Borisov V.N. & Khazova L.V. (1977) Some Aspects Regarding Functioning and Development of the Notions Withing the Scope of Theoretical Knowledge Systems. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 29–35). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Borisov V.N. & Surkova N.V. (1986) Philosophy and Reflexivity. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics Scientific Cognition* (pp. 5–15). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dubrovskiy D.I. (1983) *The Problem of the Ideal*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Dukhanin V.N. (1976) Knowledge Objects within the Frame of Sociological Theory Structure. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (pp. 42–67). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1977) Abstract Objects and Mechanisms of Scientific Knowledge Creation. In: *Methodological Problems of Science and Culture (Interuniversity Collection of Articles)* (Issue 2, pp. 18–29). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1983a) Reflexivity in Social Cognition. In: Borisov V.N. (Ed.) *Reflexivity Problems in Scientific Cognition. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 141–147). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1983b) *Formation of Social Knowledge*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Dukhanin V.N. (1986) The Ideal and the Problem of Correlation of the Empiric Knowledge and the Reality. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics Scientific Cognition* (pp. 41–51). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Dukhanin V.N. (1988) Categorical Structure of Social Cognition. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 92–99). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Frolov I.T. (1983) *Perspective of a Human Being. Experience of the Complex Problem Statement, Discussion, Generalization*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Frolov I.T. (1989) *On Human Being and Humanism*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Ilyenkov E.V. (1997) *Dialectics of the Abstractiveness and the Certainty in Scientific-Theoretical Reasoning*. Moscow: Rossphen (in Russian).

Ilyenkov E.V. (2010) *Dialectical Logic: Essays on History and Theory* (3rd ed.). Moscow: URSS (in Russian).

Kopnin P.V. (1973) *Dialectics as Logics Withing the Cognition Theory. The Experience of Logical-Gnoseological Research*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kopnin P.V. (1974) *Gnoseological and Logical Science Basics*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Kovshov E.M. (2020) *Social Reflexivity (Structure, Forms and Functions)*. Samara: Samara State Technical University (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1974a) The Phenomenon of a Goal as the Unity of the Abstractiveness and the Certainty in Human Activity Regulation. In: *Dialectics of Objective and Subjective in the Cognition Process and Practical Activity. Interacademic Collection of Articles of the Philosophy Department and Scientific Communism* (Issue 1, pp. 26–39). Kuibyshev: Kuibyshev Planning Institute (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1974b) *Human Activity: Essence, Structure and Types (Sociological Aspect)*. Saratov: Saratov University Publishing House (in Russian).

Kvetnoy M.S. (1989) The Problem of the Complete Human Formation. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 3–9). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Lifshitz M.A. (2004) *What is Classics? Ontognoseologics. The Meaning of the world as "The Pure Medium"*. Moscow: Iskustvo – XXI vek (in Russian).

Lifshitz M.A. (2010) *Varia*. Moscow: Grundrisse (in Russian).

Salosin V.T. (1972) *Dialectics of Natural Sciences' Mutual Integration*. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe Knizhnoe Izdatel'stvo (in Russian).

Salosin V.T. (1983) Reflexivity and Integration of Sciences. In: Borisov V.N. (Ed.) *The Problem of Reflexivity in Scientific Cognition. Interacademic Collection of Articles* (pp. 69–73). Kuibyshev: Kuibyshev University (in Russian).

Salosin V.T. (1988) Categorical Basics of Scientific Knowledge Integration. In: *Categorical Basis of Scientific Knowledge. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 39–46). Kuibyshev: Kuibyshev University (in Russian).

Salosin V.T. (2006) *Philosophy and Methodology of Science*. Samara: Samara Municipal Nayanova University (in Russian).

Shestakov A.A. (1994) Ontologism as the Strategy of Consciousness Interpretation (Phenomenology and Philosophical Hermeneutics' Experience). In: Portnov A.N. (Ed.) *Philosophy of Consciousness of the Twentieth Century: Problems and Solutions. Interuniversity Collection of Scientific Articles* (pp. 32–41). Ivanovo: Ivanovo State University (in Russian).

Taller R.I. (1989a) Some Methodological Problems of the Law Culture. In: Aronchik I.L. & Borisov V.N. (Eds.) *Culture and Personality under the Circumstances of Perestroika. Interuniversity Collection of Articles* (pp. 119–126). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).

Taller R.I. (1989b) *Philosophy as Logics and Law Cognition Methodology*. Kuibyshev: Saratov University Publishing House, Kuibyshev Branch (in Russian).

Taller R.I. (1999) Notes Regarding the System Character of Philosophy I. Kant on Account of the Philosophy Origin. In: Taller R.I., Sysoev D.Yu., & Zanin S.V. (Eds.) *Conversations with Kant – 99. Collection of Scientific Articles* (pp. 62–71). Samara: SamVen, (in Russian)

Yurovitskiy O.G. (1986) Analyzing the Goal-Setting Structure. In: Borisov V.N. (Ed.) *Problems of Dialectics of Scientific Cognition* (pp. 23–33). Kuibyshev: Kuibyshev State University (in Russian).